

СВЕТЛАНА
КЛИМОВА

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ
В ПОИСКАХ
ИДЕНТИЧНОСТИ

ДОСТОЕВСКИЙ •
• ТОЛСТОЙ

Светлана Мушаиловна Климова
Интеллигенция в
поисках идентичности.
Достоевский – Толстой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36068523

Интеллигенция в поисках идентичности. Достоевский – Толстой:

ISBN 978-5-906980-69-4

Аннотация

Монография посвящена проблеме самоидентификации русской интеллигенции, рассмотренной в историко-философском и историко-культурном срезе. Логически текст состоит из двух частей. В первой рассмотрено становление интеллигенции, начиная с XVIII века и по сегодняшний день, дана проблематизация важнейших тем и идей; вторая раскрывает своеобразную интеллектуальную, духовную, жизненную оппозицию Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого по отношению к истории, статусу и судьбе русской интеллигенции. Оба писателя, будучи людьми диаметрально противоположных мировоззренческих взглядов, оказались “versus” интеллигентских приемов мышления, идеологии, базовых ценностей и моделей поведения. Особое внимание уделено бинарному сознанию интеллигенции, «работающему» по принципу маятника и

противоположному диалогическому целостному (всеохватному) мировосприятию.

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	17
1.1. Введение в проблематику	21
1.2. XVIII век. Рождение гуманитария	28
1.3. XIX век. П.Я. Чаадаев о национальном самосознании:	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

**Светлана
Мушаиловна Климова
Интеллигенция в
поисках идентичности.
Достоевский – Толстой**

© С. М. Климова, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Предисловие

Светлой памяти моих родителей посвящаю

Монография, в каком-то смысле, обращена к сугубо русской и «вечной теме» – определению роли и значения особой социальной прослойки – русской интеллигенции. Логически текст разбит на две части: в первой рассматривается проблема становления интеллигенции, ее важнейших тем и идей, начиная с XVIII века и по сегодняшшний день, во второй – обсуждается дискуссия с русской интеллигенцией, развернутая Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым во второй пол. XIX века. Оба писателя, будучи людьми, диаметрально противоположных мировоззренческих взглядов, оказались “versus” приемов мышления, идеологии, базовых ценностей и моделей поведения современной им интеллигенции.

Казалось бы, на данную тему написаны сотни книг, проведено огромное количество гуманитарных исследований. Точкой поворота стали недавние события нашей многострадальной истории, навсегда покинувшей мир советских «грез» и начавшей созидать что-то похожее на капитализм. Перестройка стала новым витком разговора о русской интеллигенции, ее судьбе, будущем, то ли возрождением, то ли повторной смерти (‘dead again’, – как выразилась известная современная российская и американская журналистка Мария

Гессен).

Мы рискнули в очередной раз обратиться к нашей истории прежде всего потому, что многократно сформулированные тезисы о сути русской интеллигенции, специфике национальной её идентификации оказались так и не раскрыты в нашей реальной жизни. Точка не поставлена. Мы, как три столетия назад, все еще находимся в поиске ответов на вопросы о своей собственной сущности, пытаемся отстоять свою уникальность в многополярном мире Европы, Востока и Азии, говорить о себе дифференцированно. Обострение интереса обусловлено и нынешней чрезвычайно опасной геополитической обстановкой в мире.

Национальное самосознание – сложный нравственно-мировоззренческий конструкт, который имеет набор базовых черт, характеризующих любой этнос, а также периферийных характеристик, связанных с бытованием различных моральных установок, нарративов о реальных или мифологических ситуациях, героях и антигероях, добре и зле, либеральном и консервативном мировоззрении и т. д. Важную роль, безусловно, играют способы формирования самосознания, включающие рациональные и иррациональные установки. Уникальность подхода, представленного в монографии, заключается в обосновании особого пути становления русского интеллектуализма, двигавшегося от индивидуального познающего разума личности через диалогическое начало к формированию бинарного интеллигентского сознания, од-

номерного и «партийного» по своей сути.

В ходе фрагментарной историко-философской реконструкции процесса самоидентификации русской интеллигенции мы выявили некоторую повторяющуюся логику – закономерность движения мысли от диалогического к бинарному сознанию, «работающему» по принципу маятника и противоположному индивидуальному целостному (всеохватному) мировосприятию отдельных мыслителей. Бинарное сознание связано не только с осмыслением, но и с ценностным содержанием интеллигентских идей, время от времени изменяющихся до основания в общей мировоззренческой картине, коллективно создаваемой на протяжении нескольких веков. Сочетание «цельного ума» личности с идеологической одномерностью ее жизненной позиции, перерастающей в фанатизм самопожертвования или саморазрушения – особенность поведенческой модели русского интеллигента в конце XIX – нач. XX веков.

Ментальные предпосылки возникновения такого оппозиционного и инверсионного способа мышления, ценностей мы обнаруживаем еще в петровских реформах, плавно перетекших в идеологию золотого екатерининского века. Проблема национального самосознания, как вполне конкретная задача, формировалась прежде всего в рамках идеологического (правительственного) и интеллигентского (художественно-критического) мировоззрений и была сформулирована в ряде диалогов интеллигенции с властью. Важно, что

эти диалоги вначале были построены на общности понимания обеими сторонами *субъекта национального самосознания*: ее носителем выступила дворянская интеллигенция. Она негласно объявила себя «дипломатом» – представителем всего народа – в поисках интеллектуальных ответов на запросы времени. Этот «статус» зачастую позволяет смешивать интеллигентские идеи и взгляды с народными.

На примере прямых и косвенных диалогов интеллектуалов с властью мы пытаемся понять как специфику возможного диалогического общения разных интеллектуальных и социальных групп в России, так и причины и способы трансформации диалогического сознания в оппозиционное. Одновременно с этими процессами шло выявление и обсуждение важнейшего «объекта» рефлексии и власти, и интеллигенции: речь о русском народе, специфике русского национального самосознания – то есть о сути национальной идентичности.

Истоки бесконечного русского кризиса самоидентичности лежат не в экономической области, не в сфере практики, а в области бесконечных метаморфоз общественного и индивидуального интеллигентского сознания. Одним из главных просчетов интеллигенции стало желание управлять историей, «делать» всемирное будущее, опираясь не на внутреннее саморазвитие, а на внешнюю переделку жизни, руководствуясь не индивидуальной, но коллективной ответственностью, «партийным» долгом. В данных идеологических тис-

ках и стал развиваться дуалистический мир русской культуры, философии и литературы.

Однако бинарность и дуализм не складывались прямолинейно и однозначно оппозиционно. Этот путь был извилист; следует отметить и следы диалогизма, и попытки выстроить подлинно гуманитарное, а значит, целостное мышление, характерное для многих поколений интеллигенции в дальнейшем.

В монографии показано, как изменялись тенденции в обсуждении важнейших тем о природе и сущности русского национального самосознания – от совместных поисков властью и интеллектуалами в XVIII веке до их резкой оппозиции в XIX – нач. XX вв. Немаловажная роль в этом процессе принадлежит так называемому общественному мнению, творцом которого, с нашей точки зрения, был Петр Яковлевич Чаадаев. Он стал зачинателем нового формата дискуссий о русской истории, ее национальном самосознании и перспективах, переводя обсуждение с официального (властного) – литературного (журнального) и научного (университетского) уровней на общественный. В то же время он оказался одним из создателей этого публичного пространства, вовлекая в него самые широкие слои образованного (читающего) и полубразованного общества, которому после него суждено было стать особой интеллектуальной силой, с самостоятельными суждениями и поступками в области созидания и укрепления национальной истории и самосознания.

«Загустителем» общественного мнения, давшим толчок для разделения интеллигенции на философскую и радикальную, был Федор Михайлович Достоевский, который в своем творчестве не только обозначил основные бинарные оппозиции времени, но и закрепил их в сознании масс. Созданные писателем мифообразы легли в основание не только общественного мнения, но и многих идеологических установок эпохи, став важными компонентами национального, патриотического и религиозного мировоззрения. Субъективность и идейность, лежащие в основе дискурсивных «обобщений» писателя, стали основой его индивидуального мифотворчества. Его текст обрел статус репрезентанта, а не означающего реальности.

Ему, как автору и пропагандисту «русской идеи», всегда был необходим оппонент – *другой*, рассмотренный через оппозицию *мы – не мы; русское – нерусское*. Этот принцип стал основой и литературного, и публицистического дискурса писателя, противопоставившего идею «всемирной отзывчивости» русского (православного) соборного народа идее «локальной отзывчивости» «нерусского» индивидуалистского Запада. «Запад» – понятие метафорическое, связанное с католицизмом, капитализмом, собственностью и расчетом, а также образами «нерусских народов-миродов», таких, например, как поляки и евреи. В эту же оппозиционную обойму попали и интеллигенты-«отщепенцы». В рамках его бинарного подхода стало возможным уложить многообразие

людей и идей, взглядов и подходов, народов и этносов в схему строгого противостояния русского (православного – лучшего – веровательного) и западного (рационального – худшего) способов мышления и жизни.

Необходимо учитывать и то, что авторский миф Достоевского являлся не сознательным искажением или идеологизацией процессов реальной жизни, но лишь специфической формой сохранения и укрепления определенной глобальной идеи, партийной, как и все идеи/идеологии, которым служат люди и ради которых жертвуют другими идеями и людьми. Миф претендовал на «соединение» всего со всем: реальности и идеи, чувств и разума, убеждений и поступков. Его воспроизводство давало лишь обратный эффект – укрепление оппозиционности и идеологизацию. Специфической чертой мифомышления является способность выдавать следствие за причину, историческое событие за естественное (природное), искать архетипические (вечные) мотивы в сиюминутном и случайном. В то время, когда процесс секуляризации вел ко все большей дифференциации общества и церкви, науки и культуры Достоевский создавал свою религиозную мифологию, объединяя (в художественной и публицистической формах) тысячи молодых поклонников.

Несмотря на то, что Достоевский обвинил интеллигенцию в беспочвенности, его позиция по отношению к ней выглядит двойственно: он в какой-то мере был ее «создателем», описав ее типологию и психологический портрет; в какой-то

он оказался ее «разрушителем», в самых черных красках описывая бесовщину нигилистической радикальной молодежи. Удивительно точно заметил П.Д. Боборыкин, что даже внешне Достоевский был сам очень похож на «нервного страдающего русского интеллигента», в отличие от Толстого с его «мужицкой» – крестьянской внешностью.

Парадоксальность заключается в том, что, стремясь к утверждению однозначных истин и ценностей, Достоевский создал уникальный «полифонический роман» (М.М. Бахтин). Благодаря диалогической структуре своих произведений, он позволил читателю «корректировать мысли его героев» (М.А. Горький) в соответствии с их собственными предпочтениями и субъективным видением. Вместо целостности, характерной для мировоззрения Достоевского-художника, мы получаем многообразные партийные характеристики Достоевского – консервативного мыслителя и националиста, ксено- и юдофоба, противопоставляющего мыслящий, страдающий, жертвенный (а не только нигилистический) тип русского интеллигента всему русскому народу, православной вере, России.

Противоположной по своей сути представляется нам ход мыслей и религиозная философия Льва Николаевича Толстого, своей жизнью и творчеством опровергавшего не только бинарный подход в мышлении, но и пытавшегося вернуть в основание мыслительного процесса диалог и целостность. Он был зачинателем нового религиозного сознания в

России и основоположником религиозной *философии жизни*. Ее особенность заключается в поиске единства *предмета философии* – жизни и познания ее смысла и соответствующего предмету *метода*, названного им «методом круга» или «сцеплением», позволяющим одномоментно и целостно соприять все основы человеческого знания о жизни в единое смысложизненное начало, не разлагая его на отдельные составные элементы.

На этом пути Толстой становится антагонистом для всех, кто стремится выстраивать «партийные оппозиции» идей и народов, веры и разума, культуры и цивилизации. Его учение о непротивлении злу насилем означало практическое неучастие личности в «злых делах государства», сознательный отказ от политической активности. Он повернул людей от морального утилитаризма и насильственной практики достижения целей к самим себе, ненасилию прежде всего над собой, поиску «царства божьего» внутри самих себя. Националистическим настроениям Достоевского он противопоставил подлинный гуманизм всечеловеческого братства и равенства при сохранении уникальных особенностей каждого человека, любой культуры и религии. Религиозная философия Толстого практически ориентирована, деятельно-любовна. Будучи защитником самых малых народов, самых униженных и обиженных – безземельных крестьян, голодающих и погорельцев, обитателей страшных ночлежных домов и бездомных, безработных людей, он искал пути к

всеобщему Добру-Богу, который и был, с его точки зрения, «Океаном любви», несотворенным и неуничтожимым, слившись с которым человек воссоединится с человечеством, никогда не умрет, будет вечно жить, как капля, растворяясь в океане всеобщей любовной мудрости мира. На этом жизненном пути места интеллигентским социальным практикам не было.

В начале XX века выросло поколение экзистенциальных и религиозных философов, шедших тропами Достоевского и Толстого, пытавшихся создать философию жизни в противовес философии войн и революций, идущих от власти и радикальных кругов интеллигентов. К сожалению, попытки вернуть в историю личность и гуманистические начала провалились. XX век стал веком масс и вождей, «смерти» Бога и человека, дегуманизации всех сторон общественной жизни. Не окончательной, если быть оптимистом или верующим.

Несмотря на столь диаметрально противоположную оценку позиций Достоевского и Толстого, история продемонстрировала нам весь ужас реализации оппозиционного и националистического мышления первого и безнадежность романтического утопизма жизни-веры второго. Прежде всего, веры в любящего и деятельного религиозного человека. Для конкретизации этого вывода, мы осуществили ряд сопоставлений учения Толстого с идеями политических философов XX века: М. Вебером и Х. Арндт.

Что из этого вышло, можно узнать, прочтя книгу до конца.

Какой автор не надеется на это.

Часть 1

Становление русской интеллигенции

Вокруг феномена интеллигенции или русской интеллигенции¹ вот уже почти три столетия не стихают философские, политические, научные и пр. страсти. После распада идеологической «связи времен» в современной России вновь насущной потребностью становится определение роли и значения этой особой социальной «прослойки» в про-

¹ Эти два выражения до определенной степени следует считать синонимами, несмотря на латинский корень, перевести это слово ни на один язык мира не удалось. Поэтому во всех европейских словарях слово *intelligentia* (по латыни «понимание», «способность к пониманию») стоит с пометкой (рус.). «По внутренней форме слово интеллигенция – от лат. *intellegentia* – означает высшую ступень сознания, самосознания», и русская интеллигенция – уникальный случай, когда «класс» (или «прослойка» – это уже другой вопрос) выделен в обществе и назван по этому признаку»//Степанов Ю.С. *«Жрец» нарекись, и знаменуйся: «Жертва» (к понятию интеллигенция в истории российского менталитета)*// Русская интеллигенция: История и судьба. М.: Наука, 2000. С.17. Ни для кого не секрет и то, что отличие русской интеллигенции от западных интеллектуалов вполне условное, так как наша интеллигенция – явление, «порожденное западной культурой» (Б. Успенский), является тем культурным образованием, к которому была приобщена небольшая когорта людей под влиянием петровских реформ//Malia M. *What is the intelligentsia?*// *Daedalus*, v.89, 3, The Russian Intelligentsia (Summer, 1960). PP. 441–458; Pips R. *The Russian Intelligentsia*. New-York and London: Columbia University Press, 1960; Raeff M. *Origins of the Russia n Intelligentsia*. N. Y.: Harcourt, Brace&World, Inc., 1966.

цессе текущей жизни. Как ни парадоксально, сегодня в очередной раз потребовалось прояснение ее концептуального статуса. При всей дискуссионности подходов, точек зрения, мировоззренческих позиций один момент, пожалуй, остается неизменным. Разговор о природе и специфике интеллигенции происходит в процессе ее самоидентификации (авто-реф-лексии), или самоописания. И зачастую спор о «предмете» превращается в дискуссию о предпочтительном дискурсе, в котором должно происходить «распознавание» этого сложного феномена.

Константный интерес к этой особой группе российского общества обусловлен, с одной стороны, «устойчивым кризисом» (оксюморон на века) российской самоидентичности, неспособностью внятно ответить на вопросы о том, кто мы и куда идем. Ответственность за решение этой «вечно-актуальной» проблемы лежит на русской интеллигенции, для которой кризисность – «конституирующая особенность», источник не столько общенациональной, сколько ее собственной идентичности. Об этом написано так много, что нет смысла обозревать позиции и литературу².

В тоже время, есть еще ряд важных обстоятельств, не позволяющих окончательно и корректно преодолеть национальную кризисность. Одно из них связано с особым дискурсом

² Наиболее полно полемика вокруг указанной проблемы русской интеллигенции отражена в коллективной монографии: *Русская интеллигенция. История и судьба*/сост. Т.Б. Князев-ская. М.: Наука, 2000, 423с.

интеллигенции любого «разлива». Безусловно, развитие интеллигенции напрямую было связано с немецким идеализмом, под влиянием которого они находились в 30–40-е годы. Не менее важно было и влияние религиозного мировоззрения, осмысленного, прежде всего, дискурсивно. Переживая самые что ни на есть атеистические и нигилистические периоды своего бытия, интеллигенция всегда оставалась верна религиозному (христианскому) дискурсу и словарю³. В начале 30-х годов XIX века, в период зарождения национальной философии, религиозный язык, эмоциональное (даже, религиозно-эмоциональное) отношение к миру явилось психологической предпосылкой формирования рационального осмысления и созидания теоретического мира «русских» идей. Независимо от «номинации» (отцы, дети, внуки)⁴ и декларируемого нашими мыслителями отношения к религии, вере, церкви ее дескриптивный словарь: христиа-

³ Alyssa DeBlasio одной из дискурсивных особенностей русской мысли назвала два нарратива: светский и религиозный, в дисциплинарном отношении представленных как оппозиция религиозной и светской философии в России. Причем зачастую эта оппозиция рассматривается в категориях истины и лжи, с правом приписывать одному дискурсу способность выражать смысл русского сознания, другому – опровергать. Эти рассуждения, как нельзя лучше вписаны в наше представление о маятнике бинарного сознания. Следует лишь добавить, что соревнование за «правильный нарратив» означало лишь право стать лидером и занять место другого//Подр.: DeBlasio Alyssa. *The end of Russian philosophy: Tradition and Transition at the turn of 21st century*. PALGRAVE MACMILLAN, USA, 2014. PP. 16–18.

⁴ Малия обозначил все разновидности интеллигенции 30–80-х одним выражением «классическая интеллигенция»//Malia M. Ibid. P.442.

нин, вера, Бог, божий народ, святой праведник, жрец и жертва был «сцеплен» в единый концептуальный клубок, создавая особой духовный статус для его носителей. Так было в XIX–XX вв.; это же присутствует и в современном дискурсивном аппарате либералов, демократов, национал-патриотов образца XXI столетия.

Другим важнейшим фактором является особый способ, механизм самоидентификации и рефлексии, исторически присущий интеллигенции. Его основой является бинарное сознание, «работающее» по принципу маятника и противоположное диалогическому и полифоническому мышлению. Оно связано не только с осмыслением, но и ценностным содержанием интеллигентских идей, время от времени сменяющим друг друга в общей мировоззренческой картине.

Ментальные основы возникновения такого оппозиционного и инверсионного способа мышления/ценностей, как мы уже отметили, находим еще в петровских реформах, плавно перетекших в золотой екатерининский, а затем и николаевский, век.

1.1. Введение в проблематику Исторические предпосылки бинарного сознания

Петровское время стало известной полосой отчуждения между православным миром и секулярными⁵ процессами дальнейшей модернизации страны. Бинарность⁶ и оппозиционность стали отправной точкой будущего ментального и

⁵ О полисемантическом использовании термина *секулярный*, как имманентной характеристики рациональной идеи, с одной стороны, и ментальной противоположности религиозному состоянию, с другой, см.: Taylor C. *Western Secularity // Rethinking Secularism*/ed. Craig Calhoun, Mark Juergensmeyer, and Jonathan Van Antwerpen. New York: Oxford University Press, 2011; о различении секуляризации как исторического процесса обмирщения, уменьшения влияния Церкви на государство и общество и как мировоззрения, идеологии см.: Cox H.G. *The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective*. Collier Books, 1965 and others.

⁶ Бинарной структуре мышления посвящены труды современных западных и отечественных исследователей. Среди них работы: Иванов Вяч. В. *Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования. Ежегодник-1971*. М., 1972; Уваров М.С. *Бинарный архетип*. СПб.: изд-во БГТУ, 1996, 214 с.; Bruner J. *Acts of Meaning. Four Lectures on Mind and Culture*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1990; Fauconnier G. & Turner M. *The Way we Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York: Basic Books, 2002; Zlatev J., Racine T., Sinha C., & Itkonen E. *The Shared Mind: Perspectives on Intersubjectivity*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins, 2008; Zlatev J. The Semiotic Hierarchy: Life, Consciousness, Signs and Language, *Cognitive Semiotics*, 2009, № 4. PP.169–200.

духовного раскола. Известна оппозиция между небольшой группой реформаторов и соратников Петра – нарождающегося слоя нового дворянства, ориентированного на Запад, и огромной массой русского народа, живущего традиционными ценностями и опирающегося на принципы жизнеустройства «восточного типа»: сельский мир, иерархические внутрисемейные отношения, русское православие.

Именно в это время бинарность духовной конфигурации жизни «нашла» специфический объект, вскоре ставший осью всех значимых оппозиций: «старое и новое», противостоящее друг другу как прогрессивное и консервативное, лучшее и худшее, хорошее и плохое. В рамках формирующегося процесса секуляризации это было названо оппозицией светской и духовной культуры⁷.

Петровское время богато не только примерами бинарного описания «старой и новой» культуры, но и двойственным представлением об одних и тех же процессах и явлениях внутри общественного мировоззрения. Официальные (государственные) положительные характеристики и оценки тех или иных реформ, культурных новаций, даже просто моды зеркально были отражены в отрицательных оценках неофици-

⁷ Как отмечал В.М. Живов, такой оппозиции не могло быть в средневековье, так как и светские, и духовные элементы мыслились как части единой культуры: «поэтому приложение к тем или иным произведениям атрибута светское по существу анахронично и основано на дурном пристрастии к бинарным оппозициям» // Живов В.М. *Разыскания в области истории и предьистории русской культуры*. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 321.

циальной (народной) культуры и общественном мнении. Одни и те же образы и понятия обрастали противоположными коннотациями. Хрестоматийную известность приобрел символ бороды, ставший в петровское время амбивалентным кодом русской культуры. Петровские указы о брадобритии – результат инверсии традиционных семиотических кодов. Петровский указ превратил наличие «бороды» в знак принадлежности старому, отсталому миру архаической культуры – прошлому. Все традиционные черты «русскости», опознаваемые через этот символ (принадлежность к крестьянству, священничеству, традиционной русской культуре) явно или неявно, но обросли в глазах реформаторов отрицательными коннотациями ретроградности и застоя, эксплицируя в их носителях неявных оппонентов государству и его реформам. Борода выдавала в русском человеке низшее начало, по сравнению с новой генерацией царевых людей и новой культурой прозападного типа. Сохранение права на ношение бороды за священниками и крестьянами автоматически поставило эту часть общества в оппозицию к миру петровской России, сделав неявными врагами власти. Безбородость, напротив, становится знаком, указывающим на человека новой формации – не ортодокса, образованного, чаще всего, нерусского и неправославного выразителя идеологии власти. В то же время подспудно признаки «нового русского» не отменяли, но сохраняли в общественном мнении отрицательные черты: нехристь, немчин, грешник. «Старое и

новое» представляли собой лицо и изнанку, плюс и минус ценностного восприятия происходящего.

Как мы видим, произвольная природа знака позволяет за одним и тем же символом и образом увидеть противоположные установки культуры. Вот только в России Нового Времени эта возможность претворялась с удивительным постоянством.

Первые проявления подобного рода инверсий были отмечены еще исследователями духовной литературы XVII века. Яркий пример – «Житие протопопа Аввакума». Протопоп Аввакум одним из первых превратил эсхатологию в проблему личностного выбора и индивидуальной святости, делая ее основой для прояснения собственного пути и выбора индивидуальных жизненных ценностей. Он едва ли не первым обратил внимание на инверсионную природу преобразований, проявившуюся уже в предреформах Алексея Михайловича: «Чудо! Чудо! Заслепил диавол! Отеческое откиня, им же отцы наши, уставом, до небес достигоша, да странное богоборство возлюбиша, извратишися»,⁸ – писал он в челобитной царю Федору Алексеевичу.

Запущен семиотический механизм (истоки которого можно найти еще при насаждении христианства в языческой Руси), который будет работать столетиями. Аввакум осуждает Никона за отступничество от старого. Никон же оправдыва-

⁸ *Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения* (Репринт). Архангельск, Сев. – Зап. кн. изд-во, 1990. С. 146.

ет свои действия с позиций «нового» – как реформатор, спасающий гибнущую Церковь. «Старое» Никон описывает в отрицательной коннотации враждебности новому – следовательно, лучшему, с его точки зрения. «Старое и новое» меняются местами в оценках, но все мировоззренческие установки на лучшее, на благо, на религиозное совершенство и общественный идеал остаются неизменными. И обе стороны, при всей их непримиримости, равно не способны усомниться в правоте или неправоте своей позиции – оппозиционной точки зрения, помыслить возможность описания дискуссии в каких-то других терминах и какими-то иными, не оппозиционными способами.

В зеркале нового мировоззрения все плюсы становятся минусами, а все минусы – плюсами, но речь все время идет об одних и тех же понятиях и смыслах. Отсюда и накал, непримиримость борьбы, нетерпимость: «новое» претендует не на новое место или статус, или содержательно новую ценность, но на место, роль и значение старого. Ведь «бинарные системы ставят между “старым” и “новым” момент полного уничтожения. Таким образом, спонтанный период складывания нового полностью отрицается»⁹.

Изменения не мыслятся как какие-то переходные состояния, но представляют собой непримиримость нового и ста-

⁹ Лотман Ю.М. *Механизм смуты (К типологии русской истории культуры)* // Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. С. 40.

рого до полного уничтожения последнего и перестройку как бы «на пустом месте». И всегда кризис воспринимается как «момент истины», апокалипсис, влекущий за собой перерождение ума и чувств наиболее передовой части общества – интеллигенции.

Петровская эпоха, безусловно, стала культурной границей между старой и новой Россией, между быстро формирующейся интеллектуальной элитой и всем остальным русским обществом, сохранившим традиционный уклад жизни и приверженность традиционным ценностям, прежде всего религиозным и сословно-бытовым. Традиционный дуализм русской ментальности, в итоге, вылился в противопоставление интеллигенции и народа, традиции и новации, светского и духовного, частного и общего, образованности и невежества.

Конфликт «старого и нового» сложно понять изнутри той или иной культурной ситуации. В.В. Розанов верно указывал, что все новое в переломные петровские годы возникало в области реальных практических действий: об этом говорят проведенные в это время реформы практически во всех областях государственной жизни. При этом император опирался в своих действиях на достижения западной цивилизации, так как ее преимущества были самоочевидны. Но был ли Петр-реформатор «западником», разрушителем традиционного сознания и культуры – вопрос дискуссионный. Никто никогда не сомневался, что достижения Петра в обла-

сти вооружения, медицины, образования, организации быта были и остаются непревзойденными образцами реформаторства, необходимого для развития собственного национального государства. Однако он не мог предвидеть конкретных последствий своих конкретных действий, ибо его действия лежали в области практической, а последствия – в ментальной и историко-культурной. Между ними нет прямой и жесткой зависимости. Истоки бесконечного русского кризиса самоидентификации лежат не в экономической области, не в сфере практики, а в области бесконечных метаморфоз общественного и индивидуального сознания.

В данных идеологических тисках и ментальных клише и стал развиваться дуалистический мир русской культуры, философии и литературы. Однако бинарность и дуализм складывались не прямолинейно и однозначно оппозиционно. Этот путь был извилист; следует отметить и следы диалогизма, и попытки выстроить подлинно гуманитарное, а значит, целостное мышление, характерное для многих поколений интеллигенции в дальнейшем.

1.2. XVIII век. Рождение гуманитария

Высокая значимость гуманитарного знания сегодня общепризнана. Между тем, когда речь заходит о его месте в целостной системе наук, эпистемологическом и социальном статусе, функциональных возможностях, практическом потенциале, единство в оценках исчезает¹⁰. В отношении отечественного гуманитарного знания это вдвойне удивительно, ибо труды Л.М. Баткина, М.М. Бахтина, В.С. Библиера, А.Я. Гуревича, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, Д.С. Лихачева, Б.А. Успенского считаются авторитетными в мировой науке.

Становление отечественного гуманитарного знания имеет непростую историю. Достаточно сказать, что почетными членами Академии Наук были избраны практически все крупные поэты и писатели XVIII–XIX веков: П.А. Вяземский, Н.М. Кармазин, И.А. Крылов, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, А.В. Сухово-Кобылин, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, Вл. С. Соловьев и многие другие. Этот всем известный факт становится поводом к любопытному выводу о том, что наше гуманитарное знание в значительной мере формировалось писателями, поэтами, философами, чье творчество легло в основу всех последующих рефлексий – литературоведения, лингвистики, философии, истории, культурологии.

¹⁰ *Ученый и власть*. Круглый стол журнала «Человек» и Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов//Человек. 2010, № 3. С.67–85.

Гуманитарий, овладевший *словом*, стал подлинным творцом русского духовного *бытия*.

Информационным поводом к философским размышлениям о специфике генезиса гуманитарных наук в России XIX века в связи с проблемой формирования русского национального самосознания стала заметка: «Российская Академия», опубликованная во втором номере пушкинского журнала «Современник» в 1836 году. Она привела нас к важнейшим обобщениям, и мы попытаемся на ее основе реконструировать некоторые исторические события, связанные с двумя русскими академиями. Когда приказом Петра I 8 февраля 1724 года в России была учреждена Академия Наук, в нее вошли три отделения: I – математики, астрономии с географией и навигацией, механики; II – физики, анатомии, химии, ботаники; III – красноречия и древности, истории, права, то есть гуманитарного направления.

Но в 1747 году гуманитарные науки были отданы в ведомство университета, и с этого момента начинается, как нам представляется, история *особенных* взаимоотношений между гуманитарными (затем и общественными) и естественными науками в русской научно-образовательной и интеллектуальной среде, сохраняющих свою специфику и по сегодняшний день.

В 1803 году второй Устав вернул в Академию Наук гуманитарные науки, за исключением *русского языка и литературы*, которые вошли в новую структуру – Российскую Ака-

демию, возникшую в 1783 году по инициативе и при прямом участии императрицы Екатерины II и княгини Екатерины Романовны Дашковой «для разработки русского языка и литературы». «Иждивением императорской Академии Наук», Российская Академия просуществовала до 1841 года, после чего ее деятельность была преобразована во второе отделение Императорской Академии Наук – «Русский язык и словесность».

Известно, что в течение всего XVIII века в Академии Наук был небольшой процент отечественных академиков, в основном – это были ученые-«прикладники» – участники огромного количества экспедиций по освоению Сибири (Камчатки) (С.П. Крашенинников, В.Ф. Зуев, И.И. Лепехин и др.). Большинство же русских академиков были прежде всего членами Российской Академии – то есть гуманитариями-словесниками: «в списке членов ее находятся имена первостепенных наших ученых и писателей... от Державина и Фонвизина в восемнадцатом столетии, от Карамзина до Востокова в девятнадцатом»¹¹. Только в течение первых 1783–1784 годов их насчитывалось 56 человек¹².

Императорская Академия Наук генетически и логически была связана с развитием физико-математических, есте-

¹¹ Сухомлинов М.И. *История Российской Академии*. Т. 1. М. 1874. С. 13.

¹² Там же. С.16–17. Сюда входили и писатели, ученые-специалисты, и почетные члены (например, князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический), хотя первоначально такого звания не было, и потому все они звались академиками.

ственных (а затем и технических) наук, изначально (и по сегодняшний день) ориентированных на достижения западно-европейской науки как образцовой и истинной. Извечные имперские чаяния на европеизацию России (или под другими наименованиями: модернизация, вестернизация, глобализация, инновация и т. п.) были связаны с деятельностью наук «физических, математических и навигацких», в обиход которых как-то сразу слабо вписывались «красноречие, древности, история, право»¹³, то есть все, что связано с языковыми, культурными или филологическими традициями собственного отечества.

Так, исторически внутри российского научного сообщества возникла неявная оппозиция между петровской и екатерининской академиями, естественными и гуманитарными науками. К первой со стороны общества было священное (почти сакральное), ко второй – панибратски-рефлексивное, а в начале XIX века даже холодное и отчужденное отношение. В этой исторической коллизии кроется начало той огромной проблемы, которую можно обозначить как вопрос о соотношении власти – гуманитарных наук – и общества. С одной стороны, Российская Академия, ее задачи, академикки изначально были «созданы» и ориентированы властью; на государственные деньги выполнялись государственные зака-

¹³ Общим местом является крайне пренебрежительное отношение Петра к литературе и искусствам, от которых не отказывался лишь потому, что на Западе они имели место.

зы, формировалась наука в области языка и словесности, которая должна была отвечать требованиям научной компетентности и тем самым естественно «стоять» над обществом и его «мнением» и «одобрениями». С другой стороны, именно Российская Академия поднимала те вопросы, которые постоянно находились в эпицентре рождающегося исторического и национального самосознания XVIII–XIX веков, в фокусе общественной дискуссии в литературных кружках и «гуманитарных журналах». В этом плане ее задачи вполне совпадали с «интеллигентскими» интенциями времени. Российская Академия оказалась естественным звеном между государством (властью) и обществом, наукой и критикой (сначала общественной, потом профессиональной), по сути, выполняя уникальную функцию консолидации различных интеллектуальных и социальных (за исключением низших) слоев общества в единое целое в ходе решения вполне конкретных проблем.

Как нам думается, гуманитарная наука стала вырабатываться в общем фарватере екатерининских просветительских программ: стремительного развития образования, создания государственных школ, расширения интеллектуального пространства через эпистолярную культуру, благодаря развитию почтовой службы и т. д.¹⁴ Перед Российской Ака-

¹⁴ «...При Екатерине II... на смену конгломерату элементарных училищ... пришла первая государственная школа... Система постоянно расширялась... К концу правления Николая в Российской империи насчитывалось до 10 тыс. школ и 50 тыс. учащихся... При Петре I количество почтовых отправок не превы-

демией стояла вполне конкретная задача, направленная на определение понятия «национальное самосознание» для его развития, и именно *власть поставила эту задачу*. Развитие самосознания напрямую зависело от научной разработки системы языка и литературы, истории, собирания древних памятников материальной культуры (ставших основой успешного развития музееведения, этнологии, археологии, архивистики и т. д.), книгоиздательства и т. д., то есть от корпуса наук, очерчивающих область гуманитарного знания.

Задача создания русской национально-гуманитарной культуры в качестве приоритетной была определена в проекте, представленном княгиней Е.Р. Дашковой сначала лично Екатерине II, а затем в докладе при открытии Российской Академии в 1783 году при вступлении Дашковой в должность президента. «Российская Академия, – гласит устав, – должна иметь предмет своим очищение и обогащение русского языка; установление и употребление слов; свойственное русскому языку, витийство и стихотворство. Для достижения этого предмета должно составить русскую грамматику, русский словарь, риторику и правила стихотворства... Вместе со становлением грамматики и словаря академики должны заняться изучением памятников отечественной истории и увековечить в произведениях слова, знаменитые ее

пало несколько десятков тысяч в год... К середине 60-х гг. XIX в. оно выросло до 42 миллионов, причем большая часть этого роста пришлась на первую половину века» / Шипилов А.В. *Великая литература как большой бизнес* // Человек. 2005. № 4. С. 123.

события как минувшего, так и настоящего времени»¹⁵.

Базис российской гуманитарной науки – язык, история, материальные памятники – должен был в итоге сформировать чувство «национальной идентичности» или «народного самосознания» (выражение Е.Р. Дашковой). Российская Академия, организованная по инициативе одной женщины и возглавляемая другой, как будто незримо внесла гендерный оттенок во взаимоотношения между двумя научными сообществами. Мужской ум – мужские науки – мужская культура – Императорская Академия Наук была (и остается) европоцентричной; женский ум – женские науки – женская культура – Российская Академия – была изначально ориентирована на национальные проблемы России. Две Академии не просто стали дополнять, но и оппонировать друг другу, создавая ментальные основания для самых разных бинарных оппозиций русской культуры, в исходных положениях которых лежит изошренный многовековой спор между разными «номинациями» отечественных славянофилов и западников.

Обращение А.С. Пушкина к теме Российской Академии в журнале «Современник» было не случайно в это время, хотя информационный повод казался совершенно незначи-

¹⁵ Цит по: Сухомлинов М.И. *История Российской Академии*. С. 14–15. Национальное самосознание, отраженное в имперском проекте николаевского времени: самодержавие, православие, народность (концепция графа С.С. Уварова сер. 30-х годов XIX века) значительно позже стало объектом рефлексии русской интеллигенции славянофильского направления.

тельным: статья сообщала о приезде 18 января 1836 года в Российскую Академию принца Петра Ольденбургского и избрании последнего в ее почетные члены. Все ее содержание, несмотря на описательный характер, с нашей точки зрения, должно было восприниматься как значимый посыл обществу, требование не просто продолжить славные дела Академии «на поприще языка и литературы», но и задуматься над общественно значимыми вопросами, когда-то поставленными Академией.

В заметке воспроизводились тезисы речи ученого секретаря Академии – Дмитрия Ивановича Языкова; он кратко напомнил присутствующим ее историю и изначальные важнейшие задачи, к числу которых относились прежде всего «уложение и порядок», которые императрица стремилась дать русскому языку. «Сочинение грамматики и словаря, да будет первым нашим упражнением», – процитировал он слова Екатерины Дашковой, кратко напомнив о колоссальной академической работе, проделанной по его созданию. Над Словарем русского языка трудилось 15 академиков, в том числе и сама Дашкова¹⁶; он был создан всего за шесть лет, в то время как аналогичный Словарь во Франции готовился 60 лет. Напомнил Д.И. Языков и патриотические слова

¹⁶ Сухомлинов описывал, как скрупулезно создавала Е.Р. Дашкова, например, статьи о дружбе, добродетельном человеке, задумчивости, напомнил читателю, что именно по ее инициативе была введена в оборот буква Ё; ею написан ряд статей на буквы Ц, Щ, Ш. // Сухомлинов М.И. *Екатерина Дашкова // История Российской Академии.*

Н.М. Карамзина о том, что хотя мы поздно начали развиваться интеллектуально, зато двигались вперед в десять раз быстрее, чем самые передовые европейские народы. «Полный Словарь, изданный Академиею, принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иностранцев; наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями <...> – мы представили систему языка, которая может равняться со знаменитыми творениями Академий Флорентийской и Парижской»¹⁷.

Однако дальнейшее сетование Д.И. Языкова по поводу упадка современного ему русского языка, демонстрирует наличие реальных проблем, не позволяющих уж столь радужно представлять наше быстрое победоносное интеллектуальное продвижение вперед. Со свойственной любому профессиональному ритору страстью к гиперболизации он отмечал: «Слова искажаются, Грамматика колеблется. Орфография, сия Геральдика языка, изменяется по произволу всех и каждого»¹⁸, возвращая читателей к изначальным задачам Академии: высвободить язык от чужеземного влияния, очистить и создать новый – литературный русский язык (задача, успешно решенная А.С. Пушкиным и его современниками), то есть заниматься так и не решенной проблемой национальной / культурной идентификации. Таким образом, заметка

¹⁷ *Российская Академия // Современник. 1836. Т.2. С.7.*

¹⁸ *Там же. С. 9.*

воспроизводит настойчивое требование, первоначально идущее от власти XVIII века и творчески развиваемое интеллигенцией (писателями, поэтами, критиками) начала XIX века – непрерывно повышать научный статус русского языка и литературы как первооснов русской культуры и базиса национального самосознания.

Тема национального самосознания чувствуется в каждом пассаже выступления ученого секретаря. Так, он в ходе изложения напомнил о журнале «Собеседник любителей русского слова»¹⁹, учрежденном Российской Академией (издание княгини Дашковой и Екатерины II в 1783–1784 годах) и конкретно о публикации в нем знаменитого вопросника Д.И. Фонвизина. «Собеседник» в свое время был одним из немногих журналов, рассуждающих о гуманитарных вопросах всесторонне и дифференцированно: журнал, в котором писали обе Екатерины, с одной стороны, и Д.И. Фонвизин, Г.Р. Державин, В.В. Капнист, М.М. Херасков, с другой. То, что принято разделять в клишированном сознании – диалог и монолог, власть и интеллигенцию – своеобразно сосуществовало внутри литературно-публицистической деятельности «Собеседника».

Важно также подчеркнуть готовность интеллигенции того времени к критическому диалогу, посыл которому шел с

¹⁹ Полное название: Собеседник любителей Российского слова, содержит разные сочинения в стихах и прозе Российских писателей. СПб, изданием Императорской Академии, 1783–1784 году. Далее – «Собеседник».

самого верха. Даже известный оппозиционер и бунтарь Н.А. Добролюбов был вынужден признать силу этого журнала: «Литературное слово обличения и наставления нисходило с высоты престола, оно было *со властью*, было сильно, свободно и открыто, не щадило порока и низости на самых высших ступенях общественных, не было стесняемо никакими посторонними обстоятельствами, которые в других случаях так часто накладывают *печатъ молчания на уста* писателя. С другой стороны, это не было издание официальное... Это было издание собственно литературное, полное жизни, пользовавшееся полным простором в выборе предметов и в способе их изображения. К этому нужно присоединить и то, что вся литературная деятельность Екатерины II имеет вид высокой правды и бескорыстия, которое не могло не действовать и на других писателей, действовавших в то время»²⁰.

Так журнальная критика, художественная сатира и ирония зачастую шли от самих издателей – княгини Дашковой и императрицы Екатерины II, которые «провоцировали» публику на обсуждение самых разных тем, главной из которых стала *тема формирования русского (национального) самосознания: через язык, нравственное поведение, автономизацию культуры, подлинную патриотичность, борьбу с бичом времени – нелепым аморальным подражанием всему француз-*

²⁰ Добролюбов Н.А. «Собеседник любителей русского слова». Издание княгини Дашковой и Екатерины II, 1783–1784 // Современник. Т. 59. Отд. 2. 1856. С.41.

скому²¹ и т. д.

Сама структура журнала настраивала на диалогический обмен мнениями, а анонимность публикуемых материалов – на относительную свободу рассуждений. «Издатели сего Собеседника просят всех любителей Российского слова и всю публику, ежели кто захочет написать критику <... > присылать оные прямо к издателям Собеседника, или на имя ее сиятельства, княгини Екатерины Романовны Дашковой, <...> ибо желание ее есть, чтобы российское слово вычищалось, процветало и сколь возможно служило к удовольствию и пользе всей публики, а *критика, без сомнения, есть одно из наилучших средств* (курсив – С.К.) к достижению сей цели»²².

Как видим, именно критика, как базовый элемент диалогического способа общения разных интеллектуальных групп, объявляется *лучшим средством* развития мысли, и в таком значении она становится объектом реинтерпретации на протяжении всего второго номера пушкинского «Современника» за 1836 год. Например, в статье «О вражде к Про-

²¹ Трудно представить более нелепую тягу к подражанию, чем описанную в письме некоей дамы, которая просит редакцию воздействовать на ее «отсталого мужа», который не только «из Парижа накладок выписывать» запрещает, но, что еще ужаснее, не хочет позволить ей завести любовника, «он, конечно, видит, что в хороших сосиететах за порок не почитают махать от скучных мужей, и что напротив, таких женщин везде очень хорошо принимают, а если бы маханье было порок, то бы все конечно их в хороших домах не ласкали»//Собеседник. Ч.1. С.85.

²² Собеседник. Там же. Ч. 1.С. 160.

свещению, замеченной в новейшей литературе», написанной В.Ф. Одоевским²³, критике уделено центральное место. Ее роль определена весьма иронично: вместо того чтобы способствовать процветанию русской культуры, критика нашла себе новое дело: «чтобы книги, т. е. собственные, ее, продавались: и в этом она успевает»²⁴. Сатирики считают необходимым высмеивать все русское, в том числе и развивающееся просвещение, но взамен не предлагают никаких позитивных идей и решений. «Они напали... как вы думаете, на что? На просвещение! Как будто это юное растение, посаженное мудрой десницей Петра и донныне с таким усилиями поддерживаемое Правительством и – извините – одним Правительством, как будто оно достигло уже полного развития, утучнело, уже производит ненужные отпрыски, которые замечаются в старой Европе!.. забыты примеры Фонвизина, Капниста, Грибоедова, их глубокое знание современных нравов, их верный взгляд на наши недостатки, их благоразумное стремление»²⁵. Уже в этих несколько наивных пассажах демонстрируется размежевание между критикой и сатирой, между попытками диалога и жаждой стать в однозначную оппозицию государственной идеологии любыми способами.

Таким образом, проблема национального самосознания,

²³ В «Современнике» статья подписана буквой В.

²⁴ Там же. С. 214.

²⁵ Одоевский В. Ф. *О вражде к Просвещению, замеченной в новейшей литературе* // Современник. 1836. Т. 2. С. 211.

как вполне конкретная задача, формировалась прежде всего в рамках идеологического (правительственного) и интеллигентского (художественно-критического) мировоззрения и была поставлена в ряде диалогов интеллигенции с властью. Эту тенденцию ярко демонстрирует пример диалога («со властью свободно и открыто») Д.И. Фонвизина с Екатериной II. «Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание»²⁶, напечатанный в «Собеседнике» в 1783 году, был вновь упомянут Языковым в указанной статье в 1836 году; текст можно считать образцом диалогизма XVIII века, достаточно ярко проясняющим и субъектную направленность идеи национального самосознания, и характер требований, предъявляемых к его носителям, и понимание природы данного типа диалога, весьма отличающегося в пушкинские времена не только от современного диалога²⁷, но даже от понимания его сути.

²⁶ В журнальном варианте: «Вопросы и ответы с приобщением предисловия». В предисловии название дано полностью, но без выделения его в качестве названия // Собеседник любителей... Ч. 3. 1873. С. 162–166.

²⁷ Вклад в теорию диалога наших отечественных мыслителей: В.С. Библера, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и др. общеизвестен и неоспорим. При этом, как показала Н. В. Мотрошилова следует обратить внимание на некоторую «эзотеричность» теорий диалога в XX веке, связанную с самим феноменом «бездиалогового советского времени». Диалог развивается по внутренним законам, независимо от социальных препон или всеобщего безгласия и единодушия. См: Мотрошилова Н.В. *Современные коррекции к пониманию теорий диалога и их применению в жизненном мире (опыт социологии познания)* / Философские науки, 2, 2017. С. 35–50.

Пушкинский «Современник» не только восстановил первоначальное фонвизинское название текста, но и воспроизвел большую часть его вопросов (14 из 21) «с остроумными ответами» Екатерины II.

Фонвизинский текст возвращает читателей «Современника» к важнейшим проблемам своего времени, репрезентируя метадиалог между екатерининским «Собеседником» и пушкинским «Современником», в диахроническом срезе обнажая одни и те же темы, используя схожие приемы в постановке проблемы и способах ее решения. При этом, как указала Т.И. Краснобородько, тема «литература и власть» во втором номере «Современника» доминантна и спроецирована «на реальные исторические (Д.И. Фонвизин, Екатерина II, Н.М. Карамзин, Александр I, Арно и Наполеон, отношение Наполеона к творчеству Вольтера) и художественные ситуации»²⁸.

Итак, обращение к тексту Д.И. Фонвизина многозначно и с точки зрения осмысления близких самому «Современнику» попыток описания «диалога с властью», и с точки зрения другой сквозной темы русской литературы, связанной с поиском *идентификации национального самосознания*, определением его *специфики*. Фонвизинский текст задал русской общественной мысли алгоритм «вечных» вопросов-ответов, образец удачной интеллектуальной дискуссии интеллиген-

²⁸ Краснобородько Т.И. *Тема «литература и власть» на страницах второго тома «Современника»* / Пушкин: Исследования и материалы. Т.13. Сборник научных трудов. Л.: Наука. 1989. С. 128.

ции с властью.

Т.И. Краснобородько обратила внимание и на то, что в заметке «Российская Академия» приведено два примера «диалога с властью»: в XVIII в. Екатерина – Д.И. Фонвизин, в XIX в. Александр I – Н.М. Карамзин. В заметке сначала упоминается знаменитое «Слово» А.С. Шишкова о Н.М. Карамзине, а затем А.С. Пушкин от себя прибавляет эпизод о пребывании знаменитого историка в Твери в 1811 году и его общении с Александром I. «Пребывание Карамзина в Твери ознаменовано еще одним обстоятельством, важным для друзей его славной памяти, неизвестным еще для современников. По вызову государыни великой княгини, женщины с умом необыкновенно возвышенным, Карамзин написал свои мысли о древней и новой России, со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого. Государь прочел эти красноречивые страницы... прочел и остался, по-прежнему, милостив и благосклонен к прямодушному своему подданному. Когда-нибудь потомство оценит и величие государя, и благородство патриота»²⁹. В «Записке» Н.М. Карамзин *до и значительно раньше* славянофилов или западников заострил вопрос о судьбе России, ее месте в мировой истории, сделав их объектом рефлексии не только со стороны ученого-историка, но и со стороны высшего лица государства³⁰..

²⁹ *Российская Академия // Современник*. Там же. С.13.

³⁰ Сегодня все могут прочесть «Записку о древней и новой России в ее полити-

Сопоставляя диалоги с властью XVIII и XIX веков, А.С. Пушкин сам задает градус диалогичности данных примеров, приводя только «Вопросы» Фонвизина без всякого комментария в первом случае, по-редакторски оттеняя специфику диалога Александра I с историком позитивно-хвалебными подчеркиваниями – во втором: «благосклонность», «поймет», «оценит» и т. д. Тема же двух диалогов, по сути, одна и та же:

что есть русская нация, в чем наша идентичность, как выразить национальное самосознание через теорию (философию Д.И. Фонвизина) и практику (история Петра в изложении Н.М. Карамзина).

Екатерининский «Собеседник» и пушкинский «Современник», как нам кажется, солидарны в одном: диалоги с властью необходимы и возможны. И вестись они должны не с позиций предписаний (с любой стороны), ультиматумов или противостояния, но, главным образом, опираясь на поиск общих подходов в понимании национальной истории, языка, культуры, вне которых невозможно обсуждать суть национального самосознания. В этих диалогах не было и не могло быть подлинного равенства, возможности полного и обоюд-

ческом и гражданском отношениях» Н. М. Карамзина, жестко и нелицеприятно критиковавшего историческое поведение многих государей, в том числе и самого императора Александра I; трудно представить на его месте нашего современника – ученого или историка, написавшего в наше либеральное время интонационно схожий текст о новой власти и новой России и получившего «благосклонное» одобрение от первого лица в государстве.

ного взаимопонимания между собеседниками. Скорее, это «культурный» способ вопрошания со стороны интеллектуалов (писателя и историка) и «благосклонных» ответов, отраженных в доброжелательной, но идеологически определенной позиции власти. Весьма отраднo, что эта позиция *была в наличии* у власти, также как и ее желание высказаться и тем самым сделать проблему идентификации объектом публичного (разноголосого) обсуждения.

Совсем другими были диалоги между самими интеллигентами, когда, отстаивая свои позиции, они претендовали на реформаторство (или революционность) в государственном (а то и вселенском) масштабе, игнорируя *любую* государственную власть в принципе или тотально оппонируя ей. В этом ключе просвещенный абсолютизм Екатерины оказался более диалогичным, чем диалоги в любом типе республиканских или демократических государств, которые настолько искусно плетут паутину всеобщей зависимости, что, как точно заметил Л.Н. Толстой, «ответственность в совершаемых (государством – С.К.) преступлениях так скрывается от людей, что люди, совершая самые ужасные дела, не видят своей ответственности в них» (Толстой, 28, 250)³¹.

У диалогов Д.И. Фонвизина и А.С. Пушкина совсем другая тональность: они находятся в одном «культурном про-

³¹ Все ссылки на труды Л.Н. Толстого даны по: Толстой Л.Н. Полное собр. соч. в 90-т. т. М., Л.: Гослитиздат, 1928–1958; в круглых скобках: Толстой, указание тома и страницы.

странстве» со своими оппонентами, а значит, диалоги предполагают, как минимум, «право» на вопрос и на ответ, чужую реакцию. При этом *другой* в то же время отделен от собеседника, он иной по отношению к нему. Этот диалог не равен обмену готовыми идеями, сюжетами или лозунгами схожих по взглядам людей; напротив, он позволяет услышать *другого и по статусу, и по позиции*, отличного от себя человека, оказаться в курсе его взглядов.

Диалог – это тождество различий, мыслительный процесс в чистом виде.

Такая установка позволяет говорить о свободе общающихся, обменивающихся идеями людей. Стержнем диалога становится критика, сатиричность и ироничность, которые сродни сократовской майевтике, противоположной разьедающе саркастической, односторонне негативной «разоблачительности» либеральных, демократичных или радикальных оппозиционных текстов-монологов более позднего времени.

Опубликованные в «Современнике» вопросы Д.И. Фонвизина (которых в оригинале было 21) касаются главным образом сущностных характеристик дворянства (что во времена А.С. Пушкина было не менее актуально, чем во времена Д.И. Фонвизина), а также нравов современного дворянского общества, к которым относятся: жизнь не по средствам («Отчего все в долгах?»); духовная разобщенность благородных («Отчего не только в Петербурге, но и в самой Москве перевелись общества между благородными?») – вопрос, деся-

тикратно усиленный в период последекабристской трагедии 1825 года; забота о карьере, а не о нравственности (порядочности) своих потомков и одновременно отсутствие амбиций, развития личностных качеств, то есть превращение дворянина в «серую посредственность» («Отчего главное старание большей части дворян состоит не в том, чтобы поскорее сделать детей своих людьми, а в том, чтобы поскорее сделать их, не служа в гвардии, унтер-офицерами?»); отсутствие интереса к правовым вопросам (законам) («Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?»); неспособность закончить начатое («Отчего у нас начинаются дела с великим жаром и пылкостью, потом же оставляются, а нередко и совсем забываются?»); безделье («Отчего у нас не стыдно не делать ничего?»). Этот вопрос невольно, как и первый в фонвизинском «Вопроснике», пропущенный «Современником» («Отчего у нас спорят сильно в таких истинах, кои нигде уже не встречают ни малейшего сомнения?»), а также вся эмоциональная тональность текста Д.И. Фонвизина заставляет вспомнить многие места из знаменитого «Философического письма» П.Я. Чаадаева (1829, опубликован в 1836).

Приведенные вопросы, как нам представляется, обрисовывают критикуемый и Д.И. Фонвизиним, и А.С. Пушкиным / П.Я. Чаадаевым тип дворянина, вполне сложившегося за пятьдесят лет рефлексии – «вопрошания»: бездельник и светский мот, занят прожиганием жизни; человек без ду-

ховных порывов, стремлений к благородному соединению с близкими по духу или идеологии людьми, не стремящийся ни к истине/правде, ни к духовной свободе, ни к политическому (правовому) самосознанию, но ищущий легких доходов и признаний от своего «статуса» у государства и общества.

Можно утверждать, что почти все вопросы, поставленные Д.И. Фонвизиным перед императрицей, стали «вечно волнующе-нерешенными» русскими вопросами о природе интеллигентской самоидентификации, представленной как идентичность собственной нации. Своеобразие этих вопросов в том, что вариации их постановок (например, А.С. Пушкиным, А.С. Грибоедовым, П.Я. Чаадаевым или позже И.А. Гончаровым, Ф.М. Достоевским, Л.Н. Толстым) и вариации ответов заполняют всю нашу и публицистическую, и литературную, и духовную жизнь до сегодняшнего дня. Возникает феномен своеобразной «циклизации» идей, заданный фонвизинским текстом в процессе его повторной журнальной публикации: сначала правительственного «Собеседника», а затем литературно-поэтического «Современника».

Следует оценить и ответы императрицы, опубликованные в «Собеседнике»; они демонстрировали не только пример ее подлинной просвещенности, глубину проникновения в исследуемую тему, но и специфику диалогизма, идущего от власти. Многие расценивали и расценивают ее ответы сугубо негативно, так как их сухость, краткость и четкость дела-

ют сам диалог весьма условной формой. «Только ответы эти такого рода, что большая часть из них уничтожает вопросы, не разрешая их; во всех почти отзывается мысль, что не следовало об этом толковать, что это – свободоязычие, простершееся слишком далеко»³². Эта мысль созвучна и выводам современных ученых: «...своими ответами императрица пресекала всякую возможность дальнейшей полемики»³³.

Наверное, существует особая тональность, когда речь идет об общении с первым лицом государства. Постараемся быть объективными. Все ответы императрицы содержат тон превосходящей уверенности и серьезности, не допускающий раздражения и окрика, характерного исполнительской чиновничьей власти; в них наличествует и элемент превосходства высшего лица, и ум, и ирония, свойственные многим пишущим интеллектуалам. Это был диалог двух разных по статусу, но равных и по интеллекту, и по чуткости к слову, и по способности к рефлексии людей. Но это не был диалог (как мы уже отмечали) в современном смысле развития идей в ходе создания общего герменевтического поля универсального понимания³⁴. «Вообще, если мы можем удивляться в

³² Добролюбов Н.А. *Указан. соч.* С.69.

³³ Краснородько Т.И. *Указан. соч.* С. 129.

³⁴ «Да, конечно, монолог, диалог и полифония – это сегодня общезначимые культурологические символы и даже философские понятия с почти установившимся категориальным статусом. Однако естественной субстанцией, в которой зарождались и разворачивались эти бахтинские сюжеты, был, как известно, язык, причём язык сначала – как конкретная реальность культуры и лишь затем – как обоб-

этом случае смелости Фонвизина, то тем более должны удивляться искусству государыни, с которым она умела отклонить своими ответами самые прямые вопросы и в ответах на самые щекотливые из них давать чувствовать, что они неуместны и не могут ожидать прямого решения. Только на один вопрос отвечает она прямо и решительно, не уклоняясь от сущности дела»³⁵.

Ответы императрицы показывают и проницательность, и умение отличать вопросы, касающиеся всех и могущие быть общезначимыми объектами общественной дискуссии от тех, которые лучше оставить для специального научного или профессионального обсуждения, изъяв из широкой дискуссии. Следует подчеркнуть, что именно ее ответы показали, *что* должно было стать объектом дискуссии (войти в разряд «вечных»), а *что* из диалога власть – писатель было изъято (практически навсегда).

Приведу несколько примеров из текста, которые демонстрируют высокую планку обсуждения «на равных». Так четко и лаконично Екатерина осадила шпильку Д.И. Фонвизина о том, что никто не знает и не следует законам в нашем отече-

щённо-философская категория” / Гогтишвили Л.А. *Философия языка М.М. Бахтина и проблема ценностного релятивизма* // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 143. Необходим был длительный период, чтобы такой язык сложился и стал фактором культуры. Диалогика сформировалась, по словам В.С. Библиера, когда произошел кардинальный сдвиг от естественнонаучного знания к гуманитарно-фило-логическому // Подр.: Библиер В.С. *Михаил Михайлович Бахтин, или Поэтика культуры*. М.: Прогресс, 1991. С. 10–15.

³⁵ Добролюбов Н.А. *Указан. соч.* С. 69.

стве: «**В.:** «Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?» **О.:** «Оттого, что сие не есть дело всякого»³⁶. Кажется, что власть четко указывает обществу не вмешиваться в несвойственные ей сферы, пусть законы изучают и создают юристы, а не все, кто этого хочет. Какая историческая ирония видится нам в этих словах: именно эта юридическая сфера стала любимым объектом обсуждения в нашем интеллектуальном дискуссионном пространстве. Не было ни одного славянофила или западника, который бы ни коснулся вопроса о правах и законах в нашей стране, хотя профессионально этой темой практически никто не владел.

Очень хлестко и не менее иронично звучит ее ответ на самый острый вопрос – весьма показательный и для времен Екатерины, и для времен Николая I: (**В.:** «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?»)³⁷. **О.:** «Предки наши не все грамоте умели. **NB.** Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели»³⁸. Можно подумать, что она не поняла вопрос или не уловила иронии вопрошателя, но ремарка служит не менее ироничным ответом ему – «свободоязычие» – этого тоже не было в неграмотном (непросвещенном) веке минувшем, а в просвещенном – екатеринин-

³⁶ Собеседник любителей русского слова... Ч.3. 1783. С. 163.

³⁷ “Ответ” интеллектуальная публика пушкинских времен уже прочла в комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума» (первое издание в 1833 году).

³⁸ Собеседник. *Указан. соч.* С.165.

ском – не стало наказуемым³⁹. Хотелось бы обратить внимание и на то, что Фонвизин не только не был удовлетворен ответами, но и не все из них он мог адекватно оценить в силу аксиологических и личностных различий, лежащих между ними.

Но, пожалуй, самым главным стал ответ на вопрос о сути русского национального характера. На важнейший вопрос Д.И. Фонвизина: «В чем состоит наш национальный характер?» последовал лаконичный, но емкий ответ бывшей принцессы Софьи Анхальт-Цербской. «В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корне всех добродетелей, от творца человеку данных». В этом ответе закладываются основы будущей официальной концепции национального патриотизма: *ум, послушание и вера*. Екатерининская триада русского характера позднее нашла продолжение и развитие и в официальной позиции государства 1830 – 40-х годов, и в славянофильском ее прочтении: *самодержавие, православие, народность*.

³⁹ Это не мешало ей казнить, ссылать и запрещать инакомыслие своих подданных.

1.3. XIX век. П.Я. Чаадаев о национальном самосознании: от диалогов с верховной властью к общественным дискуссиям и бинарному сознанию

Размышления о специфике русского национального самосознания, сформированного в зеркальных бликах фонвизинской и карамзинской истории, зачастую связывают с именем П.Я. Чаадаева, действительно «нечаянно» развернувшего широкую общественную дискуссию и обозначившего известную оппозицию между славянофилами и западниками.

П.Я. Чаадаев определен как *всё* нашей интеллектуальной культуры, нашей историософии, а через нее – антропологии и социальной философии. «Потому и поныне длящиеся споры о теоретическом содержании и социальном статусе русской философии: является ли она, по образцу европейской мысли, особого рода знанием, или же по преимуществу выражением национального самосознания, – это споры также о П.Я. Чаадаеве – подлинном представителе русской мысли, предложившем в своих сочинениях образец «нераздельно-неслиянного единства этих двух природ философии»⁴⁰.

⁴⁰ Ермичев А., Златопольская А. *П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт исто-*

В русской гуманитарной традиции его фигура выглядит противоречиво: с одной стороны, чрезвычайно преувеличенно, особенно в описании его уникального вклада в философию, с другой стороны, недооценено, особенно в области «открытия» роли общественного мнения, во многом определявшего те или иные направления последующих культурно-исторических трансформаций. Он стал жертвой одного из наиболее устойчивых стереотипов о том, что возбуждал «первые попытки нашего национального самосознания» в славянофильской и западнической дискуссии в 30-е годы XIX века (Н.А. Бердяев). В этой связи его пример – наглядная иллюстрация стереотипного тиражирования когда-то популярной точки зрения и исторической гиперболизации и роли отдельного человека / его творчества в этом процессе.

Значение идей П.Я. Чаадаева не в том, что он заострил внимание на вопросе о специфике русского национального самосознания в контексте историософии и провиденциализма. Дело скорее всего в том, что публикация первого «Философического письма» мощно и в одночасье перевела регистр обсуждения уже давно озвученной темы-проблемы на уровень широкой общественной дискуссии.

Ранее мы отметили, что проблема «первых попыток»

риографии// П.Я Чаадаев. Pro et contra. Личность Петра Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология, ред. Ермичева А.А., Златопольской А.А. Санкт-Петербург 1998. С. 10.

в определении русского национального самосознания и его первой «идеологии» была четко сформулирована в пушкинском «Современнике», который вышел за несколько месяцев (июнь 1836 г.) до знаменитой публикации в «Телескопе» (№ 15, октябрь 1836 г.)⁴¹. Именно там было заострено внимание на тех проблемах и темах, которые позже описал П.Я. Чаадаев. Второй номер журнала можно назвать *опережающим ответом* на еще не озвученные чаадаевские вопросы.

Опубликовав в журнале вопросы Д.И. Фонвизина, А.С. Пушкин как будто «пальцем показал» на текст, невольно позволяющий читателю увидеть другие способы разговора о русском самосознании, истории, прошлом и будущем. Пушкинский «Современник» обнажил своеобразную повторяемость тем и идей русских интеллектуалов XVIII – начала XIX вв., соединив Д.И. Фонвизина и П.Я. Чаадаева в едином идейном хронотопе.

⁴¹ Не стоит забывать, что чаадаевское письмо, написанное на французском языке, как и многие его идеи, было хорошо известно образованному кругу российской интеллигенции до октября 1836 года. Лишь публикация на русском языке стала «выстрелом в темную ночь» (А. Герцен). Скорее всего, здесь роковую роль сыграли не только типографский шрифт журнала, но и сам русский язык, не приспособленный для обсуждения давно известных «французских» бунтарских тем. Французский язык, демонстрировавший философские идеи автора без всякого раздражения, по-русски зазвучал угрожающе-бунтарски, непатриотично и весьма обидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.